

DOI 10.37386/2305-4077-2023-2-48-61

А. А. Чевтаев¹*Российский государственный гидрометеорологический университет
(Санкт-Петербург)*

О ПУШКИНСКОЙ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В «СКАЗКЕ О КОРОЛЯХ» Н. С. ГУМИЛЕВА

Статья посвящена осмыслению сюжетно-фабульной лакуны в неоромантической поэме «Сказка о королях» (1905) Н. С. Гумилева – одном из первых его опытов конструирования мифопоэтики. При анализе структурно-семантической организации поэмы обнаруживается реминисценция, основанная на поэтике «Сказки о золотом петушке» А. С. Пушкина. В сюжете поэмы гибель героев объясняется «через» пушкинский претекст, что способствует мифологизации «вечной женственности» как сакрального и рокового начала в структуре миропорядка. Таким образом, реминисценция, восходящая к сказке Пушкина, в поэме Гумилева становится маркером универсального проявления страсти и абсолютизации роковой «женственности».

Ключевые слова: Н. С. Гумилев, А. С. Пушкин, неоромантизм, «вечная женственность», реминисцентная поэтика, система персонажей, сюжетостроение

A.A. Chevtaev*Russian State Hydrometeorological University (Saint-Petersburg)*

ON PUSHKIN'S REMINISCENCE IN "THE TALE OF KINGS" BY N.S. GUMILEV

The article is devoted to the comprehension of one plot-fabula lacuna in early neo-romantic poem "The Tale of Kings" (1905) by N.S. Gumilev, which is one of the first experiments in constructing Gumilev's mythopoeitics. The analysis of this work reveals the presence of A.S. Pushkin's reminiscence, referring to the poetics of "The Tale of the Golden Cockerel" in its structural and semantic organization. The plot death of the heroes of Gumilev's poem, explained by means of Pushkin's pretext, contributes to the mythologization of "eternal femininity" as a sacred and fatal principle in the structure of the world order. It is concluded that the reminiscence, referring to Pushkin's fairy tale, in Gumilev's poem becomes a marker of the universality of the manifestation of passion and the absolutization of the fatal "femininity".

Keywords: Gumilev, Pushkin, "eternal femininity", neo-romanticism, reminiscence poetics, system of characters, plot-building

В воспоминаниях об А. А. Ахматовой упомянут ее разговор с А. А. Мухиным – преподавателем Императорской Царскосельской гимназии, экзаменовавшим Н. С. Гумилева: «...Мухин передал <...> еще одну характерную фразу. На экзамене Гумилева спросили о Пушкине: "Чем замечательна поэзия Пушкина?" Гумилев невозмутимо ответил: "Кристалльностью". – "Чтоб понять всю силу этого

¹ Аркадий Александрович Чевтаев – кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и русского языка как иностранного Российского государственного гидрометеорологического университета (РГГМУ, Санкт-Петербург), e-mail: ahevtaev@yandex.ru.

ответа, надо вспомнить, – говорил Мухин, – что мы, учителя, были совершенно чужды новой литературы, декадентству и т. д. Этот ответ ударил нас как обухом по голове. Все мы громко расхохотались! Теперь-то нам понятны такие термины, понятно, как верно определяет это слово поэзию Пушкина, но тогда!» [Лукницкий, 1991, с. 272–273] Это свидетельство показывает, что, несмотря на интенсивное освоение предсимволистских и символистских художественных практик, в самосознании юного поэта пушкинское наследие занимало принципиально важное место. Ощущаемая Н. Гумилевым в начальный период творческого становления «кристалльность» поэзии А. С. Пушкина ретроспективно предстает своеобразным предвосхищением (поэтическим «геном») будущего гумилевского акмеизма, смысловыми основаниями которого станут «прекрасная ясность», глубина «всматривания» в первоосновы миропорядка и стремление к онтологическому равновесию мысли, чувства и слова.

Кроме того, такое предельно емкое определение сущности пушкинской поэзии как «кристалльности» фоновсемантически актуализирует «магический кристалл» – мощный символ творческой авторефлексии А. С. Пушкина. С одной стороны, подобно автору-повествователю в романе «Евгений Онегин», изначально отметившему неясность сюжетного и ценностно-смыслового движения повествования («И даль свободного романа / Я сквозь магический кристалл / Еще не ясно различал» [Пушкин, 1960, т. 4, с. 178]), юный Н. Гумилев еще не знает тех поэтических маршрутов, которыми пойдет в будущем. С другой стороны, «магические» свойства «кристалла», то есть поэтического мировидения, в контексте раннего гумилевского самоопределения могут пониматься буквально: символистская концепция мира уравнивает магию и художественное слово. Поэтому пушкинский «магический кристалл» в творческой «лаборатории» Н. Гумилева первой половины 1900-х годов вполне соотносим с оккультно-эзотерическим хрустальным шаром, где усматриваются тайны бытия.

Однако сознаваемое поэтом значение творчества А. С. Пушкина, как это ни странно, не приводит к экспликации его влияния на произведения Н. Гумилева. В них случаи прямого воздействия пушкинской картины мира или диалога с поэтом-классиком встречаются редко и, как правило, в поздний период творческого развития. Как замечает В. С. Малых, в первую очередь следует говорить о смысловом родстве «духовной эволюции лирического героя Гумилева, подобной эволюции героя лирики Пушкина» [Малых, 2011, с. 178]. Не соглашаясь с идеями исследователя о гумилевском «раскаянии» в ранних декадентско-символистских оккультно-эзотерических экзерсисах, мы солидарны с его мыслью об аксиологической близости поэта начала XX века гениальным прозрениям поэта века XIX. Собственно же рецепция творчества А. С. Пушкина в поэзии Н. Гумилева проявляет себя в большей степени на уровне аллюзий и реминисценций, посредством чего в ней имплицитно проявляются мотивы и образы пушкинской художественной системы [Магомедова, 2007]. Их поиск и обнаружение требуют пристального прочтения текста и соотнесения его структурно-семантических особенностей с пред-

шествующей литературной практикой, в результате чего оказывается возможным уяснение рецепции Н. Гумилевым различных аспектов поэтического наследия А. С. Пушкина.

Далее мы сосредоточим внимание на ранней поэме Н. Гумилева «Сказка о королях», а точнее – на одной сюжетно-фабульной лакуне в ее нарративной структуре, которая, как представляется, семантически заполняется и проясняется обращением к сказочному творчеству А. С. Пушкина. Создавая свой художественный мир в контексте неоромантических и символистских стратегий творчества, Н. Гумилев обращается ко множеству различных мифологических и литературных источников и преобразует их в соответствии с собственным индивидуально-авторским мировидением. Думается, что реминисценция из «Сказки о золотом петушке» в гумилевской поэме не только соотносит ее с жанровой традицией стихотворной сказки, но и показывает некоторые грани художественной аксиологии автора в период его поэтического становления.

«Сказка о королях» была написана в 1905 г. и включена, вместе с «Девой Солнца» и «Осенней песней», в раздел «Поэмы» первой книги стихов «Путь конквистадоров» (1905) Н. Гумилева. Критики-современники (да и он сам впоследствии) воспринимали эту книгу и составившие ее произведения как ученические и подражательные, а потому не заслуживающие особого внимания. Шлейф такой оценки «Пути конквистадоров» тянется и в современное «гумилевоведение», где дебютная книга поэта чаще всего игнорируется или упоминается вскользь, в качестве «лабораторного» явления. Высказывание Ю. Н. Верховского 1925 г. о том, что «в первых попытках “Пути Конквистадоров” только намечается устремление к эпосу, по преимуществу сказочно-фантастическому» [Верховский, 2000, с. 519], до сих пор принимается исследователями гумилевского творчества как аксиома. Нам сущность ранней поэтической практики Н. Гумилева видится более сложной. Конечно, невозможно отрицать тот факт, что в «Пути конквистадоров» поэт предстает еще во многом «скованным» бюрсовско-бальмонтскими «заветами символизма», усиливая их неоромантические коннотации. Однако при этом в поэтических опытах Н. Гумилева 1902–1905 годов уже проступают те ценностно-смысловые основания его мировидения, которые впоследствии обретут константный характер и образуют каркас его окказиональной мифопоэтики. К таким универсалиям гумилевского художественного мира, формирующимся в начальный период творчества поэта, следует отнести, во-первых, противостояние мужского и женского начал, а во-вторых, антиномию реальности и идеала. Именно в стихотворениях и поэмах, вошедших в состав книги «Путь конквистадоров», обнаруживаются первые концептуальные контуры этих смысловых оппозиций, и потому образная и мотивно-сюжетная их реализация в ранней поэтике Н. Гумилева требует детального осмысления.

Как указывает М. В. Смелова, в ранней гумилевской лирике проявляются «две основные тенденции», восходящие к принципам символизма: «созда-

ние “авторского мифа” и использование мифологических тем, сюжетов, образов, т.е. стилизация некоторых важнейших в смысловом отношении культурных архетипов» [Смелова, 2004, с. 15]. Соответственно, мифологизация реальности посредством различных культурных кодов, востребованных неоромантическим сознанием, задает магистральный вектор художественного смыслообразования в произведениях Н. Гумилева 1900-х годов. При этом за счет аллюзий, реминисценций, цитатных перифраз поэт актуализирует именно те смысловые коды предшествующей и современной мировой культуры, которые способствуют построению окказионального творческого мифа о поисках вселенской гармонии и преображении бытия волевыми устремлениями человека к идеалу. Известно, что функциональное назначение реминисцентных элементов «в каждом тексте определяется исключительно через “Я” его автора, поскольку введение интертекстуального отношения – это прежде всего попытка метатекстового переосмысления претекста с целью извлечения нового смысла “своего” текста» [Фатеева, 2000, с. 39]. В этом отношении представляется, что включение в реминисцентную поэтику Н. Гумилева пушкинского «сказочного» кода является сознательным творческим актом, когда «чужой» текст (сюжетная структура сказки А. С. Пушкина) позволяет концептуализировать смыслы «своего» текста («Сказки о королях»). При этом в гумилевской поэме пушкинская реминисценция предельно завуалирована, но в то же время и сюжетно, и аксиологически действенна.

Поэма «Сказка о королях» принципиально важна в аспекте формирования и утверждения Н. Гумилевым мифа о поиске мировой гармонии и конвергенции микрокосма и макрокосма. Репрезентируя сказочный мир, где существуют условные герои – «короли», жаждущие бытийных свершений и достижения абсолютного счастья, поэт изображает стремление человека к предельным высотам универсума и его результат. Поэма состоит из восьми нумерованных частей-стихотворений, каждая из которых развивает сюжетно-фабульный ряд повествования в том или ином его динамическом проявлении. В кратком изложении событийная линия поэмы может быть представлена следующим образом: два брата («молодые короля») утверждают свои взгляды на осуществление судьбы – как волевого освоения внешнего мира (1-я часть) и как углубления в микрокосм (2-я часть). После манифестации героями своих бытийных установок в их королевский «чертог» является демонический всадник – представитель inferнального мира (3-я часть), который рассказывает королям о своей катастрофической встрече с «Девой Луны», символизирующей «вечную женственность» (4-я часть). Далее героини-короли, смущенные и в то же время воодушевленные повествованием пришельца, решают отыскать и покорить потустороннее женское начало (5-я часть), отправляются на поиски «Девы Мира» (6-я часть), встречаются с ней, получают отказ на свои любовные притязания и гибнут (7-я часть). В финале поэмы (8-я часть) глазами «горбуна мажордома» изображается пришедшее в запустение после гибели братьев их королевство, лишенное величия и смысла.

Этот сказочный сюжет прежде всего эксплицирует два вектора бытийного самоопределения в миропорядке. По мысли Е. Сампсона, в поэме представлен «конфликт двух различных подходов к идеалу: ухода от мира в себя, трансцендентализма и пути действия» [Sampson, 1979, p. 49], которые воплощаются в монологах героев-королей. При этом исследователь указывает, что «неудача их похода, призванная обозначить превосходство пассивного пути», все же остается «далеко не однозначной» [Там же]. Конечно, и первый, и второй вариант жизненной самоактуализации человека в бытии укоренены в ницшеанское представление о возможности обретения идеала в реальности земного мира. Творческая рецепция философских воззрений Ф. Ницше, как показывают исследования, является существенным фактором смыслообразования в ранней гумилевской поэтике [Комольцев, 1996; Богомолов, 1999, с. 58–61]. Герои-короли явно демонстрируют стремление к «сверхчеловеческому» (внешнему или внутреннему) деянию², но терпят онтологический крах на пути к идеальному состоянию универсума. Соответственно, возникает концептуальный вопрос: что становится причиной гибели героев поэмы и неосуществимости их «сверхчеловеческих» устремлений?

В системе мотивов и образов поэмы обнаруживается широкий реминисцентный план, отсылающий к различным культурным константам и литературным кодам. Как показывают комментаторы «Сказки о королях», в структуре ее текста проступают отсылки к библейской традиции, гностическим апокрифам, германо-скандинавской мифологии (эпосу «Старшая Эдда» и ее оперной рецепции Р. Вагнером) и, конечно, к символистской поэзии К. Д. Бальмонта и А. Белого [Гумилев, 1998, с. 356–357]. Нам же представляется важным наличие в поэме не обозначавшейся ранее и исследовательски не отрефлексированной реминисценции из «Сказки о золотом петушке» (1834) А. С. Пушкина, сюжетно-фабульный и аксиологический планы которой способствуют прояснению событийного ряда в поэме Н. Гумилева и, соответственно, уточняют ценностно-смысловые параметры гумилевской художественной концепции.

Гибель героев в «Сказке о королях» представлена весьма загадочно. В 7-й части поэмы повествователь репрезентирует встречу «молодых королей» с «Девой Земли». Отметим, что в ранней поэтике Н. Гумилева «Дева Луны», «Дева Солнца», «Дева Земли» и «Дева Мира» являются вариативными и взаимозаменяемыми обозначениями «вечной женственности» в ее идеальном (мифопоэтическом) проявлении [Чевтаев, 2016; Бобрицких, 2017]. Поэтому, представая в речи демонического гостя (вестника и провокатора судьбы) «Девой Луны», героиня поэмы в сознании «молодых королей» превращается сначала в «Деву Мира» («Дева Мира будет нашей, / Нашей быть она должна!» [Гумилев, 1998, с. 61]³), а

² Ср.: «В вечных песнях, в вечном танце / Мы воздвигнем новый храм. / Пусть пьянящие багрянцы / Точно окна будут нам»; «И в безумствах теокалли / Что-то слышится иное, / Жизнь без счастья, без печали / И без бледного покоя» [Гумилев, 1998, с. 58, 59].

³ Произведении Н. Гумилева цитируется по: Гумилев Н. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). – Москва: Воскресенье, 1998. Далее при цитировании в круглых скобках после цитаты указываются страницы.

затем – в «Деву Земли». Оставляя сейчас в стороне вопрос о различиях и тождестве именовании женственного начала в символистской поэтике Н. Гумилева, укажем, что первостепенные семы здесь, во-первых, непорочность («Дева»), а во-вторых, символистский «космизм» «женственности» («Луна», «Солнце», «Земля», «Мир») индексируют вселенскую универсальность женского идеала, к которому стремится гумилевский лирический герой). «Сверхчеловеческие» устремления к «вечной женственности» братьев-королей венчаются успехом, и они находят средоточие идеала – Деву Земли:

По обрывам пройдет только смелый...
Они встретили Деву Земли,
Но она их любить не хотела,
Хоть и были они короли (с. 62–63).

Итак, любовно-витальные желания героев поэмы очевидно терпят крах. Дева Земли отвергает любовь отыскавших ее королей: «Хоть безумно они умоляли, / Но она их любить не могла, / Голубеющим счастьем печали / Молодых королей прокляла» (с. 63). При этом поражение героев в их попытке покорить онтологические высоты миропорядка, воплощаемые в образе Девы Земли, изображается как погружение в профанную область существования: «И больные, плакучие ивы / Их окутали тенью своей, / В той стране, безнадежно-счастливой, / Без восторгов, и снов, и лучей. // И венки им сплетали русалки / Из фиалок и лилий морских, / И, смеясь, надевали фиалки / На склоненные головы их» (с. 63). Бытийный морок, сопряженный с тоской и насмешкой, настигает «молодых королей» в их поиске счастья и «вечно женственной» вершины мира и обуславливает безумие не в его творчески-витальном, а безысходно-мортальном проявлении.

Итогом неоромантически очерченного жизненного пути героев оказывается гибель и запустение их родного королевства:

Ни один не вернулся из битвы...
Развалился прадедовский дом,
Где так часто святые молитвы
Повторял их горбун мажордом [Там же].

Смерть «королей» («Ни один не вернулся из битвы...»), оказываясь результирующим событием в их судьбе и своеобразной развязкой сюжетной линии «сверхчеловеческих» устремлений, остается не проясненной на фабульном уровне нарратива в поэме: почему погибают герои? в какой битве они участвуют? где свершается эта битва? Данные вопросы, как представляется, продуцируют поиск возможного претекста, и такой претекст отыскивается в творчестве А. С. Пушкина. Так, обозначенная сюжетно-фабульная лакуна гумилевской поэмы может быть соотнесена с пушкинской «Сказкой о золотом петушке», в поэтике которой обнаруживаются смысловые параллели со «Сказкой о королях», а также репрезентируются сходные сюжетные ситуации.

Где и как поэма Н. Гумилева соприкасается с пушкинской сказкой? – Прежде всего, обращает на себя внимание инициатор сюжетного развертывания текста. В сказке А. С. Пушкина таковым предстает «мудрец-звездочет», к которому обращается за помощью царь Дадон. Его магический дар царю («золотой петушок») оказывается «медиатором» между «посюсторонним» миром царя Дадона и потусторонним миром Шамаханской царицы. «Золотой петушок», с одной стороны, призван обеспечить защиту и покой сказочного государства, а с другой – тайно нацелен на его крах. В гумилевской поэме отсутствует магический артефакт, однако сюжетные действия героев также иницируются внешней стороной. Сходство «Сказки о королях» со сказкой Пушкина обнаруживается на уровне системы персонажей и их функций: позиции «звездочета» в поэме соответствует «мрачный всадник». Эти образы оказываются семантически близкими, так как, во-первых, и тот, и другой явно владеют оккультно-эзотерическим знанием, представляя демоническое измерение универсума, а во-вторых, становятся первопричиной гибели главных героев повествования. Конечно, вхождение в сюжет этих представителей потусторонности в изображаемый сказочный мир у А. С. Пушкина и Н. Гумилева репрезентировано по-разному: и если «звездочет» в «Сказке о золотом петушке» появляется в царстве Дадона по его же приглашению, то «всадник» в «Сказке о королях» приходит в чертог королей незванным гостем как своеобразный вестник inferнального мира. Но функционально эти персонажи родственны, ибо иницируют вторжение в жизнь героев демонических сил. И «звездочет», и «всадник» приносят царственным персонажам дар, нарушающий привычный ход жизни: «мудрец» дарит Дадону материальный магический предмет-оберег, а «всадник» дарует королям балладу, где рассказывает о своей встрече с Девой Луны, и тем самым искушает героев в их жажде торжества и власти над миропорядком, инспирируя их поход в инобытие. Оба подарка внешне являются спасительными для героев: «золотой петушок» (дар «звездочета») защищает царство Дадона от вражеских угроз⁴, а баллада о Деве Луны, пропетая «всадником», ведет королей к героическим свершениям⁵. Однако по своей сути эти дары несут не благо, а бесславную гибель.

В фольклорной сказочной традиции «даритель волшебного средства, выручающего из беды <...> далеко не всегда положительная фигура» [Вацура, 1995, с. 129]. При анализе сказки Пушкина и поэмы Н. Гумилева очевидно, что благо магических подарков оказывается мнимым, а их дарители предстают демоническими искусителями царственных героев. Пушкинский «мудрец-звездочет» в силу своего оккультного ремесла связан с потусторонним миром. Гумилевский же

⁴ Ср.: «Петушок с высокой спицы / Стал стеречь его границы. / Чуть опасность где видна, / Верный сторож как со сна / Шевельнется, встрепенется, / К той сторонке обернется / И кричит: “Кири-ку-ку. / Царствуй, лежа на боку!”» [Пушкин, 1960, т. 3, с. 361].

⁵ Ср.: «Но они вскричали вместе, / Облегчив больную грудь: / “Путь к Неведомой Невесте – / Наш единый верный путь. // <...> Сдернем с радостной скрижали / Серый, мертвенный покров, / И раскрывшиеся дали / Нам расскажут правду снов. // Это верная дорога, / Мир иль наш, или ничей, / Правду мы возьмем у Бога / Силой огненных мечей”» (с. 61–62).

пришелец-певец и своим обликом⁶, и сюжетными обстоятельствами своей балладной истории демонстрирует явную inferнальную природу собственного «я». По мысли С. Л. Слободнюка, в гумилевской поэме «мрачный всадник», рассказывающий о своих близких отношениях с Люцифером («Пять могучих коней мне дарил Люцифер / И одно золотое с рубином кольцо, / Я увидел бездонность подземных пещер / И роскошных долин молодое лицо» (с. 60), «говоря о духе зла, покарвавшем его, одновременно им и является» [Слободнюк, 1998, с. 191], то есть совмещает в себе черты и жертвы дьявольских сил, и самой губительной для человека inferнальности. Отметим, что в «Сказке о золотом петушке» в итоге «звездочет» становится жертвой своего демонического лукавства, погибая от руки царя Дадона. Однако в пушкинском повествовании мудрец-эзотерик только служитель потусторонних сил, тогда как у Н. Гумилева пришелец-певец – их носитель. В этом проявляется концептуальное отличие гумилевского художественного мира от пушкинского: поэт-символист репрезентирует демоническое начало в его буквальном онтологическом проявлении, не скрывая под маской сказочного «окультиста». Кроме того, «Сказка о королях» ориентирована в первую очередь на жанровые традиции баллады и поэмы, а «Сказка о золотом петушке» укоренена в литературное переосмысление фольклорных традиций. Соответственно, в поэтическом повествовании Н. Гумилева актуализируется присущий романтической балладе «мир ужасов». При этом отмеченное сходство между образами магических дарителей и функциональной их реализации в нарративах А. С. Пушкина и Н. Гумилева становится основанием реминисцентного характера ключевого события в гумилевской поэме – гибели «молодых королей».

Хотя эти герои ни разу не названы братьями, их братские узы очевидны: они являются соправителями одного королевства, постоянно выступают как парные персонажи, декларируют единство своего жизненного пути («мы»), а также принадлежат единому королевскому роду (ср.: «Развалился прадедовский дом»). Соответственно, братское родство героев актуализирует иной реминисцентный план пушкинской сказки, а именно – соотносит «королей» в поэме Н. Гумилева и сыновей царя Дадона. В сказке А. С. Пушкина «золотой петушок» своим магическим действием инициирует походы детей-царевичей на войну, а по сути – в иномирие Шамаханской царицы: «Царь к востоку войско шлет, / Старший сын его ведет. / Петушок угомонился, / Шум утих, и царь забылся»; «Петушок кричит опять. / Кличет царь другую рать; / Сына он теперь меньшего / Шлет на выручку большого; / Петушок опять утих. / Снова вести нет от них!» [Пушкин, 1960, т. 3, с. 362]. Так братья-царевичи отправляются на защиту рубежей отцовского царства, но встречаются с губительным женским началом. Страсть к Шамаханской царице, овладевающая царевичами, становится причиной их раздора. В сказке их взаимное убийство на поединке за право владеть женственным совершенством эксплицировано с предельной отчетливостью:

⁶ Ср.: «Мрачный всадник примчался на черном коне, / Он закутан был в бархатный плащ, / Его взор был ужасен, как город в огне, / И, как молния ночью, блестящ» (с. 60).

Царь Дадон к шатру спешит...
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына
Без шоломов и без лат
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга,
По притоптанной траве,
По кровавой мураве...
[Там же. С. 363].

В поэме Н. Гумилева не раскрываются ни причины, ни обстоятельства гибели братьев-королей. Однако именно отсутствие каких-либо указаний на героические свершения в жизни героев после их встречи с Девой Земли позволяет предположить, что причиной их смерти стала взаимная вражда из-за всепоглощающей страсти к отвергнувшей их любовные притязания Деве. А потому смертельный для обоих королей поединок получает название «битва» («Ни один не вернулся из битвы»). Думается, именно мотив братоубийственного столкновения, обусловленного чарами «вечной женственности», реминисцентно соотносит «Сказку о королях» со «Сказкой о золотом петушке». Вместе с тем, есть существенное различие в обстоятельствах реализации данного мотива. Братья-царевичи убивают друг друга как соперники, имеющие шанс на благосклонность царицы, то есть их вражда определяется сугубо мужской ревностью. А «молодые короли» в поэме Н. Гумилева одинаково отвергнуты Девой, и потому их поединок обусловлен безумием и крахом упований на покорение онтологических высот мироздания. Дева Земли, не желающая их любви, символизирует невозможность «силой огненных мечей» взять «правду у Бога», то есть являет собой подлинную недосыгаемость бытийных вершин универсума.

Очевидно, в «сказках» А. С. Пушкина и Н. Гумилева женское начало оказывается губительным для героев-мужчин. В «Сказке о золотом петушке» Шамаханская царица становится сказочно-поэтическим воплощением мифологических представлений о фатальной силе женского «я». Демонизм и потусторонность женских чар такого персонажа осмысливается во многих трудах пушкинистов [см., например: Белкин, 1979; Вацура, 1995, с. 131; Волкова, Романенко, 2015, с. 88; Летин, Пальянова, 2018]. Это соотношение одновременно обнаруживает и семантическое сходство, и расхождение женских образов у Пушкина и Гумилева. Очевидно, что и Шамаханская царица, и Дева Земли являют собой сакральную сущность женственности, однако их аксиологические знаки оказываются противоположными. Они обе являют собой женскую царственность, то есть властность над мужским измерением бытия, но, в то же время, каждая по-своему профанирует мифологему «царицы». Ведь в мифопоэтике «царица» представляет «женский принцип, отождествляемый с Великой Матерью» [Купер, 1995, с. 356], воплощая подлинную витальность мироздания. Однако в обоих произведениях женский персонаж, наделенный сакральными качествами, не только не исполняет своего «материнского» онтологического назначения, но и противостоит ему. Шама-

ханская царица, будучи средоточием искусительной страсти, предстает в образе демонической блудницы, играющей чувствами мужчин (братьев-царевичей, царя Дадона, «мудреца-звездочета»). В отличие от нее Дева Земли воплощает женскую непорочность и отвергает любое мужское притязание на ее душу и сердце: ведь и братья-короли, и «мрачный всадник»-дьявол мыслятся одинаково недостойными ее женственной благосклонности, так как принадлежат профанному миру земной материи и не могут возвыситься до подлинной духовности. Показательно, что недостижимость красоты, счастья и мировой гармонии для волевых устремлений мужского «я» у «молодых королей» здесь становится полемическим ответом Н. Гумилева концепции «сверхчеловечества» Ф. Ницше. «Человеческое, слишком человеческое» (то есть любовная страсть) губит героев поэмы, и от этой страсти они не в состоянии спастись.

Очевидно, в «сказках» Пушкина и Гумилева женские образы обладают роковым сюжетным назначением и концептуальным ценностным смыслом, а гибель героев-мужчин обуславливается их соприкосновением с «вечной женственностью» – распутной, как показано в сказке А. С. Пушкина, и целомудренной, как в поэме Н. Гумилева. Оставляя сейчас в стороне вопрос о фольклорных и литературных истоках данных произведений, заметим, что в целом они ориентированы на общеевропейскую практику легендарного повествования. По утверждению А. А. Ахматовой, в пушкинской сказке, репрезентирующей образные реалии восточных литератур и фольклора, на уровне сюжетно-мотивных основ повествования обнаруживается ориентация именно на европейские сказочные модели сюжетостроения [Ахматова, 2002]. В каком-то плане эти наблюдения объясняют реминисцентное обращение Н. Гумилева к «восточной» сказке А. С. Пушкина как сюжетному и смысловому претексту своей поэмы, явно ориентированной на фольклорные и литературные традиции Западной Европы.

Видимо, как в пушкинской сказке, так и в поэме Н. Гумилева принципиально важно представление о губительном характере «женственности» для мужского самоопределения в миропорядке. Но если в концепции А. С. Пушкина был акцентирован этический аспект проявления страсти, то для Н. Гумилева перво-степенной оказывается онтология взаимодействия мужского (волевого и целеустремленного) и женского (таинственного и демонически очаровывающего) начал. При этом первое в своей заданности бытия терпит онтологический крах, тогда как второе, обладая инобытийной данностью, торжествует. В «Сказке о золотом петушке» Шамаханская царица – причина гибели царевичей и любовного безумия царя Дадона – в финале повествования на сюжетно-фабульном уровне текста исчезает, подобно фантому («А царица вдруг пропала, / Будто вовсе не бывало» [Пушкин, 1960, т. 3, с. 366]). Восточная красавица оказывается наваждением, магическим инструментом «мудреца-звездочета», то есть роковые действия «женственного» «я» здесь обусловлены волей иных сил. В поэме Н. Гумилева «царственная» Дева Земли претворяется в губительную страсть, разочарование в жизни и взаимное уничтожение героев, что свидетельствует о ее подлинной

власти над миром. Соответственно, ее «исчезновение» из сюжетной структуры нарратива мыслится не растворением призрачного «я» в миропорядке, а незыблемым торжеством над миром смертных («королей»), дерзающих посягать на познание сущностных основ мироздания. В концепции поэмы Н. Гумилева (и его творчества в целом) «царственная женственность» оказывается не инструментом для магических практик, а воплощением потусторонних сил как таковых.

По мысли А. А. Асояна, спецификой творческого мировидения Н. Гумилева является повышенная чуткость его лирического субъекта «к роковой дихотомии бытия», которую он «воспринимает <...> как непреложный удел» [Асоян, 2019, с. 310]. Представляется, что пушкинская реминисценция в поэме эксплицирует существенные ценностно-смысловые грани рефлексии поэта над антинормичностью миропорядка. Являя их здесь в символистско-неоромантическом измерении, Н. Гумилев творчески апробирует те основы художественного миропредставления, которые впоследствии станут сущностью его окказиональной мифопоэтики.

Итак, вышеизложенное позволяет констатировать, что в неоромантической поэме Н. Гумилева «Сказка о королях» истоки и смыслы одной из обозначенных сюжетно-фабульных лакун повествования объясняются рецепцией и творческой реинтерпретацией мотивов и образов «Сказки о золотом петушке» А. С. Пушкина. Аксиологическое стремление героев («молодых королей») овладеть «вечной женственностью» (Девой Земли), нарративно развернутое в поэме, оборачивается крахом их любовно-онтологических желаний. Явленное в сюжете столкновение братьев-королей с женским началом, изначально ориентированное на мистический аспект их борьбы, завершается гибелью героев: «Ни один не вернулся из битвы». Именно эта строка в структуре поэмы, затемняющая обстоятельства смерти «королей», видится имплицитным указанием на сюжетный ход «Сказки о золотом петушке» А. С. Пушкина, когда братья-царевичи убивают друг друга, одержимые страстью к Шамаханской царице. В гумилевской поэме гибель «королей», оставаясь непроясненной, может быть объяснена междоусобным поединком, соотносимым с аналогичным эпизодом в сказке А. С. Пушкина. В обоих произведениях герои сталкиваются с женским персонажем, который обладает потусторонней природой и воплощает губительные для мужского «я» красоту и совершенство. Однако если в «Сказке о золотом петушке» Шамаханская царица символизирует демоническое торжество «блудницы» над одержимыми страстью царевичами и царем Дадоном, то в «Сказке о королях» Дева Земли являет собой «вечную девственность» и недостижимость для мужчины женского начала. При этом обе «вечно женственные» ипостаси героини играют роковую роль в судьбе героев-мужчин. Соприкосновение мужского «я» с «вечной женственностью» (как распутной, так и целомудренной) приводит его к гибели. Смысловые различия в понимании этого сюжетного события определяются тем, что в сказке А. С. Пушкина акцентирован этический аспект проявления страсти, а в поэме Н. Гумилева на первом плане оказывается онтологическая антиномия мужского (волевого и

целестремленного) и женского (таинственного и демонически очаровывающего) начал. В «Сказке о золотом петушке» мужчина гибнет по причине презрения нравственных норм, а в «Сказке о королях» это происходит в силу торжества женского потустороннего мира над мужским «посюсторонним». Соответственно, данная пушкинская реминисценция в поэме Н. Гумилева способствует абсолютизации роковой «женственности» в ее власти над мужским «я» и утверждению бытийной недостижимости сакрального женского начала для профанного мужского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асоян, А. А. Семантика антитезы в поэтическом мире Николая Гумилева / А. А. Асоян // Семиотика и метафорика художественных форм. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2019. – С. 307–313.

Ахматова, А. А. Последняя сказка Пушкина / А. А. Ахматова // Ахматова, А. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Данте. Пушкинские штудии. Лермонтов. Из дневников. – Москва: Эллис Лак, 2002. – С. 13–43.

Белкин, Д. И. К истолкованию образа Шамаханской царицы / Д. И. Белкин // Временник Пушкинской комиссии. – 1976. – Ленинград: Наука, 1979. – С. 120–124.

Бобрицких, Л. Я. Женские образы в лирике Н. Гумилева: опыт типологии / Л. Я. Бобрицких // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. – 2017. – № 4. – С. 19–23.

Богомолов, Н. А. Читатель книг / Н. А. Богомолов // Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. – Томск: Водолей, 1999. – С. 52–80.

Вацуро, В. Э. Сказка о золотом петушке (опыт анализа сюжетной семантики) / В. Э. Вацуро // Пушкин: Исследования и мат-лы. Т. 15. – Санкт-Петербург: Наука, 1995. – С. 122–133.

Верховский, Ю. Н. Путь поэта. О поэзии Н. С. Гумилева / Ю. Н. Верховский // Н. С. Гумилев: pro et contra. – Санкт-Петербург: РХГИ, 2000. – С. 505–550.

Волкова, Т. А. Сказки А. С. Пушкина в контексте гендерной теории / Т. А. Волкова, Е. А. Романенко // Вестник Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 32. – С. 86–90.

Гумилев, Н. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910) / Н. С. Гумилев. – Москва: Воскресенье, 1998. – 502 с.

Комольцев, А. В. Русское нищестанство и особенности композиции сборника Н. С. Гумилева «Путь конквистадоров» / А. В. Комольцев // Гумилевские чтения. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 1996. – С. 170–177.

Купер, Дж. Энциклопедия символов / Дж. Купер. – Москва: «Золотой век», 1995. – 402 с.

Летин, В. А. Шамаханская царица: эволюция образа от эстетического идеала к эротической пародии / В. А. Летин, Е. Е. Пальянова // Верхневолжский филолог. вестник. – 2018. – № 1. – С. 197–203.

Лукницкий, П. Н. *Asumiana: Встречи с Анной Ахматовой: в 2 т. Т. 1. 1924–25 гг.* / П. Н. Лукницкий. – Paris: YMCA-press; Москва: Русский Путь, 1991. – 347 с.

Магомедова, Д. М. Об одной пушкинской аллюзии в «Заблудившемся трамвае» Н. С. Гумилева / Д. М. Магомедова // *Новый филологический вестник*. – 2007. – № 2 (5). – С. 225–228.

Малых, В. С. «Последняя свобода поэта»: А. С. Пушкин и Н. С. Гумилев / В. С. Малых // *Пушкинские чтения – 2011. «Живые» традиции в литературе: жанр, автор, герой, текст*. – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2011. – С. 171–179.

Пушкин, А. С. *Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Поэмы. Сказки* / А. С. Пушкин. – Москва: ГИХЛ, 1960. – 543 с.

Пушкин, А. С. *Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. Евгений Онегин. Драматические произведения* / А. С. Пушкин. – Москва: ГИХЛ, 1960. – 598 с.

Слободнюк, С. Л. «Идущие путями зла...» (древний гностицизм и русская литература 1890–1930 гг.) / С. Л. Слободнюк. – Санкт-Петербург: Алетея, 1998. – 428 с.

Смелова, М. В. *Онтологические проблемы в творчестве Н. С. Гумилева* / М. В. Смелова. – Тверь: ТГУ, 2004. – 126 с.

Фатеева, Н. А. *Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов* / Н. А. Фатеева. – Москва: Агар, 2000. – 280 с.

Чевтаев, А. А. «Царица» в поэтическом универсуме Н. Гумилева / А. А. Чевтаев // *Кормановские чтения*. – Вып. 15. – Ижевск: УдГУ, 2016. – С. 233–250.

Sampson, E. D. *Nikolai Gumilev* / E. D. Sampson. – Boston: Twayne Publishers, 1979. – 192 p.

REFERENCES

Asojan, A. A. *Semantika antitezy v pojeticheskom mire Nikolaja Gumileva* / A. A. Asojan // *Semiotika i metaforika hudozhestvennyh form*. – Sankt-Peterburg: Alatejja, 2019. – S. 307–313.

Ahmatova, A. A. *Poslednjaja skazka Pushkina* / A. A. Ahmatova // *Ahmatova A. A. Sbranie sochinenij: v 6 t. T. 6. Dante. Pushkinskie shtudii. Lermontov. Iz dnevnikov*. – Moskva: Jellis Lak, 2002. – S. 13–43.

Belkin, D. I. *K istolkovaniju obraza Shamahanskoj caricy* / D. I. Belkin // *Vremennik Pushkinskoj komissii*. 1976. – Leningrad: Nauka, 1979. – S. 120–124.

Bobrickih, L. Ja. *Zhenskie obrazy v lirike N. Gumileva: opyt tipologii* / L. Ja. Bobrickih // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika*. – 2017. – № 4. – S. 19–23.

Bogomolov, N. A. *Chitatel' knig* / N. A. Bogomolov // *Russkaja literatura pervoj treti XX veka. Portrety. Problemy. Razyskanija*. – Tomsk: Vodolej, 1999. – S. 52–80.

Chevtaev, A. A. «Carica» v pojeticheskom universume N. Gumileva / A. A. Chevtaev // *Kormanovskie chtenija. Vyp. 15*. – Izhevsk: UdGU, 2016. – S. 233–250.

Fateeva, N. A. Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov / N.A. Fateeva. – Moskva: Agar, 2000. – 280 s.

Gumilev, N. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. T. 1. Stihotvorenija. Pojmy (1902–1910) / N.S. Gumilev. – Moskva: Voskresen'e, 1998. – 502 s.

Komol'cev, A. V. Russkoe nicsheanstvo i osobennosti kompozicii sbornika N.S. Gumileva «Put' konkvistadorov» / A.V. Komol'cev // Gumilevskie chtenija. – Sankt-Peterburg: SPbGUP, 1996. – S. 170–177.

Kuper, Dzh. Jenciklopedija simvolov / Dzh. Kuper. – Moskva: «Zolotoj vek», 1995. – 402 s.

Letin, V. A. Shamahanskaja carica: jevoljucija obraza ot jesteticheskogo ideala k jeroticheskoj parodii / V.A. Letin, E.E. Pal'janova // Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik. – 2018. – № 1. – S. 197–03.

Luknickij, P. N. Acumiana: Vstrechi s Annoj Ahmatovoj: v 2 t. T. 1. 1924–25 gg. / P.N. Luknickij. – Paris: YMCA-press; Moskva: Russkij Put', 1991. – 347 s.

Magomedova, D. M. Ob odnoj pushkinskoj alluzii v «Zabludivshemsja tramvae» N.S. Gumileva / D.M. Magomedova // Novyj filologicheskij vestnik. – 2007. – № 2 (5). – S. 225–228.

Malyh, V. S. «Poslednjaja svoboda pojeta»: A.S. Pushkin i N.S. Gumilev / V.S. Malyh // Pushkinskie chtenija – 2011. «Zhivye» tradicii v literature: zhanr, avtor, geroj, tekst. – Sankt-Peterburg: LGU im A.S. Pushkina, 2011. – S. 171–179.

Pushkin, A. S. Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 3. Pojmy. Skazki / A.S. Pushkin. – Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1960. – 543 s.

Pushkin, A. S. Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 4. Evgenij Onegin. Dramaticheskie proizvedenija / A.S. Pushkin. – Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1960. – 598 s.

Slobodnjuk, S. L. «Idushhie putjami zla...» (drevnij gnosticizm i russkaja literatura 1890–1930 gg.) / S.L. Slobodnjuk. – Sankt-Peterburg: Aletejja, 1998. – 428 s.

Smelova, M. V. Ontologicheskie problemy v tvorcestve N.S. Gumileva / M.V. Smelova. – Tver': TGU, 2004. – 126 s.

Vacuro, V. Je. Skazka o zolotom petushke (opyt analiza sjuzhetnoj semantiki) / V.Je. Vacuro // Pushkin: Issledovanija i materialy. T. 15. – Sankt-Peterburg: Nauka, 1995. – S. 122–133.

Verhovskij, Ju. N. Put' pojeta. O poezii N. S. Gumileva / Ju.N. Verhovskij // N.S. Gumilev: pro et contra. – Sankt-Peterburg: RHGI, 2000. – S. 505–550.

Volkova, T. A. Skazki A.S. Pushkina v kontekste gendernoj teorii / T.A. Volkova, E.A. Romanenko // Vestnik Kemerovskogo gos. un-ta kul'tury i iskusstv. 2015. – № 32. – S. 86–90.

Sampson, E. D. Nikolai Gumilev / E.D. Sampson. – Boston: Twayne Publishers, 1979. – 192 p.